

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81

doi: 10.18522/2070-1403-2022-93-4-124-130

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ В ЭМОЦИОНАЛЬНО ОКРАШЕННОМ ДИСКУРСЕ ФРОНТОВОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ПЕРИОДА ОБОРОНЫ ГОРОДА 1941–1942 ГГ.¹

© *Т.В. Черепанова*¹, *И.В. Шаповалова*², *А.Р. Голубев*³

¹Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия;

²Луганский государственный педагогический университет, ЛНР;

³Государственное автономное образовательное учреждение № 24, г. Москва, Россия
cherepan071@rambler.ru

Аннотация. Раскрывается символическое значение города в дискурсе периода обороны Севастополя 1941–1942 гг. как смыслообразующего признака морального духа бойцов. В письмах бойцов с фронта город предстает как субъект активной борьбы, переживающий наряду с его защитниками трагические времена. Идентификация с легендарным Севастополем, имеющим глубокий сакральный смысл для русского менталитета, дает бойцам моральные силы сражаться. Эти переживания отражены в текстах писем, созданных защитниками города, выявленные в ходе дискурс-анализа. Поддержанию высокого морально-волевого духа в условиях постоянных предпринимаемых фашистами штурмов, способствует идентификация бойцов с символическим городом-героем, выраженная в эпистолярном дискурсе. Создавая у читателей иллюзию вполне мирной жизни в Севастополе, бойцы в большей мере поддерживают уверенность в победе у самих себя.

Ключевые слова: эпистолярные источники, символы сопротивления, дискурс-анализ писем, Севастополь как символ обороны.

Для цитирования: Черепанова Т.В., Шаповалова И.В., Голубев А.Р. Символическое значение Севастополя в эмоционально окрашенном дискурсе фронтового эпистолярного наследия периода обороны города 1941–1942 гг. // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 93. № 4. С. 124–130. doi: 10.18522/2070-1403-2022-93-4-124-130

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Symbolic meaning of Sevastopol in the emotionally colored discourse of the frontline epistolary heritage of the period of the defense of the city 1941–1942

© *Tatyana V. Cherepanova*¹, *Irina V. Shapovalova*², *Aleksey R. Golubev*³

¹Sevastopol state university, Sevastopol, Russian Federation; ²Lugansk state pedagogical university, LPR; ³State autonomous educational institution No. 24, Moscow, Russian Federation

cherepan071@rambler.ru

Abstract. The article reveals the symbolic meaning of the city in the discourse of the period of the defense of Sevastopol 1941–1942 as a semantic sign of the morale of the fighters. In the letters of fighters from the front, the city appears as a subject of active struggle, experiencing tragic times along with its defenders. Identification with the legendary Sevastopol, which has a deep sacred meaning for the Russian mentality, gives fighters the moral strength to fight. These experiences are reflected in the texts of letters created by the defenders of the city, revealed during the discourse analysis. The identification of fighters with a symbolic hero city, expressed in epistolary discourse, contributes to maintaining a high moral and strong-willed spirit in the conditions of constant assaults undertaken by the fascists. By creating the illusion of a completely peaceful life in Sevastopol for readers, the fighters are more likely to maintain self-confidence in victory.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-49-920009

Key words: epistolary sources, symbols of resistance, discourse analysis of letters, the meaning of the image of a place, Sevastopol as a symbol of defense.

For citation: Tatyana V. Cherepanova, Irina V. Shapovalova, Aleksey R. Golubev Symbolic meaning of Sevastopol in the emotionally colored discourse of the frontline epistolary heritage of the period of the defense of the city 1941–1942. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 93. No 4. P. 124–130. doi: 10.18522/2070-1403-2022-93-4-124-130

Введение

Пониманию через вчувствование в эмоциональную сферу комбатанта в период оборонительных боев за Севастополь, отраженную в текстах писем с фронта, способствует погруженность в общий культурный и исторический контекст текущей ситуации. Именно это зачастую усложняет понимание некоторых аспектов переписки для потомков, не интегрированных в событийный и социокультурный контекст прошлого. Методология качественного анализа эпистолярных источников военных лет строится на базе целого комплекса мультидисциплинарных подходов. Задачи анализа эмоционально-волевой, ментальной, духовной сферы обуславливают привлечение психолингвистического, лингвокультурологического, когнитивного, стилистического подходов. Чувства и мысли воюющего человека – это многоплановая сложная система, коренным образом отличающаяся от чувств некомбатантов. На передний план выходят интересы и ценности, несвойственный человеку в мирной жизни. Тексты, создаваемые непосредственными участниками боевых действий, несут в себе признаки эпохи в целом. Проблеме выработки методологического инструментария исследования писем с фронта, в частности таким аспектам, как морально-волевые основания героизма и стойкости, посвящены работы таких авторов, как О.Ю. Ефремов, С.Э. Зверев [1], А.С. Кузнецов [2], Н.Н. Макарова [3], Е.Ю. Рождественская [4], М.И. Черутов [5], Е.С. Сенявская [6] и др. Выделим также разработанные Е.С. Сенявской методологические основы военно-исторической антропологии – междисциплинарного направления отечественной исторической науки, которые позволили изучать военный опыт на основании личного опыта бойцов [6].

Максимальный эмоциональный накал происходит в период обороны Севастополя в 1941–1942 гг. и обусловлен он решительными попытками отборных фашистских дивизий захватить город. Со времен Первой обороны Севастополя периода Крымской кампании Севастополь приобрел символическое значение для захватчиков. Для советских людей судьба Севастополя также имела сакральный смысл как символ героизма самого южного бастиона России. Целью настоящего исследования является осмысление символического значения Севастополя в эмоционально окрашенном дискурсе текстов, созданных обороняющими город в период восьмимесячной осады 1941–1942 гг.

Севастополю уделяется большое внимание в письмах защищающих его бойцов. Особо отметим, что среди обороняющих Севастополь было большое число местных жителей, мобилизованных в первые месяцы обороны, добровольцев. Письма адресованы своим семьям, эвакуированным в тыл.

Обсуждение

Рассмотрим в качестве примера несколько сохранившихся писем Ивана Григорьевича Булавина, представителя Народного Комиссариата боеприпасов, начальника сборочного цеха спецкомбината № 1, выстроив их в хронологическом порядке, чтобы показать динамику настроений бойцов в Севастополе по мере ужесточения осады.

В одном из первых писем, созданном 25.11.1941 [7], автор описывает ситуацию в Севастополе жене и дочери, и в нем чувствуется ужас от происходящего, нашедший выражение в сдержанном описании и того, что пришлось уже перенести, защищая «базу Черноморского флота гор. Севастополь», и того, что еще может случиться: «Октябрь и ноябрь месяцы переживаю очень тяжело, в особенности ноябрь. В третий раз чудом остался в живых. Однако еще очень много требуется испытать. Не исключена возможность ухода в горы к партизанам, это при условии, если удастся вырваться из холма. Крыма у нас нет, есть только крохотная

площадь осажденного и совсем разрушенного города Севастополя. Подробностей описывать не могу по причинам военного времени, а коротко скажу, что снаряды рвутся рядом 5–8 метрах. О налетах авиации я уже и не говорю. Тяжело и очень тяжело».

В этом фрагменте обращает на себя внимание неоднократное использование слова «тяжело», характеризующее общее, и физическое, и психологическое, состояние бойца. В письме подчеркивается невозможность подробно рассказать о ситуации «по причинам военного времени» и нельзя сообщить свой адрес, так как «это запрещает военная обстановка». И, конечно, здесь же обращение к близким, к тому, что дает надежду выстоять и выжить: «Часто вспоминаю вас. Неужели так и не придется вернуться к вам. Эвакуироваться мне нельзя т.к. призван защищать базу Черноморского флота гор. Севастополь. ... Питаю надежду вернуться к жене и дочери живым. Еще раз крепко крепко целую жену и дочь». Последние два предложения напоминают уже не фразы, обращенные к далеким родным, а похожи на строчки из дневника, где автор ведет разговор сам с собой.

В еще одном письме из осажденного Севастополя от 26.12.1941 И.Г. Булавин [7] сообщает подробности боев за город, описывает общий настрой защитников в первые месяцы обороны: «Но должен сказать, что защита г. Севастополя достается крайне... (*фрагмент утрачен*) ... причиняют большие неприятности и разрушения. Враг по несколько раз в день предпринимает ураганные атаки на линию обороны. Линия обороны настолько близка, что видно глазами, как самолеты бомбят передовую линию фашистов. Видны разрывы как бомб, так и снарядов по всей линии фронта. Теперь ты можешь представить себе картину. И все же не смотря на такую обстановку, доблестные моряки Черноморского флота, а также части нашей славной Красной Армии и Воздушного флота громят врага. Вот уже 2 мес. как мы отбиваем яростное и ожесточенное нападение фашистских извергов. Севастополь мы удержим. Нам напр. известно, что не только Советский союз следит за Главной Базой Германского флота – г. Севастополем – но следит и весь мир. А остальной мир давно сказал свое слово, что еще Севастополь нам не удержать. Однако вопреки заключениям мировых военных стратегов – Севастопольцы вот уже 2 мес. как держат и защищают свой родной и любимый город. Севастополь был и будет Советским. Победа за нами». Автор письма понимает важность сражения за Севастополь в общем контексте начавшейся войны с фашистской Германией не только в стратегическом, но и морально-нравственном отношении. Именно поэтому прибегает к журналистским лозунгам и фразам, часто используемых в средствах массовой информации того времени, которые позволяют ему усилить воздействие на адресата.

Весь ужас от происходящего и горечь от бедствий, причиняемых гитлеровцами, отображается бойцами достаточно детально. Особенно подробно ход обороны и ущерб, нанесенный городу, описывается в письмах бойцов, которые родом из Севастополя. Именно местные жители, вошедшие в ряды РККА, политработники, комсостав, особенно остро воспринимают трагедию родного города. Однако, несмотря ни на что, в нем продолжается жизнь, севастопольцы всеми силами поддерживают городскую инфраструктуру – в городе работают школы, фабрики, заводы по выпуску боеприпасов, госпитали, редакции газет и корпункты.

Продолжающаяся оборона дает общее представление о тех чувствах, которые переживают защитники с первых до последних ее дней. Ценным материалом для выявления динамики психологического состояния являются комплексы писем одного автора, сохраненные в Госкаталоге. В числе немногих это письма Матвея Ивановича Воронина, секретаря Корабельного райкома ВКП(б) и председателя Корабельного райисполкома г. Севастополя, адресованные в Горьковскую область жене, детям и родственникам [8].

«31/ХП 41 г. ... а сейчас посылаю тебе фотокарточки, хотя город наш и осажден кольцом временных войск, но в городе пущен трамвай, работает баня, парикмахерская и др. коммунальные предприятия. Враг убивает путем артобстрела и авиабомб мирных жителей, главным образом женщин и детей, но ему не вызвать паники в нашем Советском народе и все его замыслы разбиваются о стойкость Героических защитников родного города. Наши славные моряки уже отняли обратно Керчь, Феодосию и не далек тот день, когда весь Крым будет очищен от

фашистских бандитов». Автор подчеркивает, что, несмотря на агрессию фашистов, Севастополь живет обыденной жизнью мирного города. Возмущение автора вызывает убийство самых незащищенных людей – детей, женщин. Акцентируя внимание на этом, автор вводит читателя в сферу эмоциональных переживаний, ставит его на свою оценочную позицию.

Далее, в письмах приводится подробное описание событий убийства мирных людей. Выражения автора экспрессивны, используются средства усиления воздействия, агрессивные наименования врага: «вшивые заклятые фашисты».

«7/II 42 г. 1 час утра закончил 4 0 2го. У нас бывали такие денечки, что их никогда не забудешь. По 12 «юнкеров» 4х моторных налетали, сбрасывали черт знает сколько груза, но все это не так страшно, как артобстрел. Смотришь у тебя на глазах разрывается фашистский снаряд 8–12–14 и от человека не остается на что посмотреть, так однажды едим с завода к себе в машине навстречу идут на 2-е рабочих несут в руках сетки с хлебом вдруг в 15 метрах от нас прямо по шоссе недалеко от бани в них попадает 8 дюйм. снаряд, у одного не оказалось головы, у другого живота и ноги. Я вылез с Ваней из машины а они уже оба мертвы. Много эти вшивые заклятые фашисты нанесли ущерба советским людям. Ну что же поделаешь? Война есть война и она, безусловно, без жертв не бывает».

Снова в письме видим оптимистический настрой автора, отражающий, вероятно, подобные настроения горожан и защитников. «6/III 42 г. Восстановили трамвайную линию Коробельной, баню, аптеку, парикмахерскую, народ проживает в большинстве случаев в убежищах напротив совхоза и на... (фрагмент утерян) ... У Коваленко госпиталь, швейная ф-ка сапожная мастерская, в щелях и подвалов живут, холодновато, ну что же делать. Война без жертв и лишений не бывает». Город функционирует, несмотря на войну, он должен сохранять свою жизнедеятельность как символ самой жизни. Это дает бойцам силы для борьбы и уверенность, что пока Севастополь сохраняет признаки мирной жизни, его невозможно победить.

Заметна в письме и некоторая бравада, за которой скрывается тревога об исходе битвы. Для поддержки близких автор уверяет их в том, что сил для удержания города много, Севастополь не падет: «21 апреля 8 ч. 30 м. утра. Бомбят, сволочи, но наши его бомбят в 5 раз больше. Так, что за один зуб вырывают ему целую челюсть».

М.И. Воронин описывает военные будни Севастополя, его защитников и жителей, отмечая детали, которые в мирной жизни прошли бы практически незамеченными («восстановили... баню, аптеку, парикмахерскую»), вспоминает конкретные случаи, которые его, уже бывалого военного, потрясли так, что забыть эти страшные картины он не может... И сразу же возникает оценка происходящего, практически лишенная эмоциональности, и понимание, что «войны без жертв не бывает».

Последнее письмо М.И. Воронина датируется 10 июня 1942 г., за три недели до захвата Севастополя. Тон письма достаточно сух, он описывает потери фашистов, почерпнутые из газет или сводок, при этом проявляет большую заботу о находящейся в эвакуации семье. Это письмо явно писалось в условиях крайне напряженных, в состоянии высокого психоэмоционального накала: в тексте письма практически отсутствуют знаки препинания, присутствуют несогласованные предложения, заметна поспешность при создании письма. Это указывает также на общие ожидания защитников того, что будут применены решительные контрмеры для деблокады Севастополя [7]. В тексте письма сохранена авторская орфография и пунктуация.

«7 ч. 30 м. вечера... Погода стоит пока прохладная Немец стал наступать в 3ий раз на город в первый раз его наступление было в ноябре Второй – в Декабре и числа с 20V мая начал подготовку к 3-му наступлению особенно начал активно бомбежку с 30/V за какихнибудь 6–7 дней он потерял свыше 80 самолетов 30 танков, около 10 тысяч убитых бандитов а сколько их искалечили сбросил на город за эти дни свыше 15 тысяч фугасных бомб и зажигательных большое количество снарядов и мин хотел запугать нас пожарами но ничего не выходит у него и не выйдет, город ему не видать как своих грязных ушей вот пока все целую Вас всех ваш папка Митя!» [7]

Продолжая анализировать восприятие Севастополя бойцами обороны, вернемся вновь к письмам И.Г. Булавина, одно из которых создано за несколько дней до падения обороны

города, 28 мая 1942 г. Бойцы вероятно понимают, что близится час их поражения и, возможно, гибели, но сохраняют мужество, поддерживая надежду в своих близких. Булавин честен с семьей, из тона его письма можно заключить, что настроения в обороняющемся гарнизоне, хоть и сдержанное, но не пессимистичное. Чувствуется усталость и некоторая досада от того, что, имея еще силы и средства для удержания Севастополя, очевиден план командования РККА его оставить. При этом в общем тоне письма заметна гордость от того, что Севастополь яростно сражался 8 месяцев, также как менее века назад сдерживали натиск врага наши предки – русские моряки и солдаты. В плане письма присутствует уже отмеченная выше публицистическая риторика в виде лозунга, распространенного в СМИ «... победа все же будет за нами». Заметим, что появление подобного письма, в котором автор откровенен с читателем, стало возможным благодаря тому, что передается оно с оказией, из рук в руки, соответственно, ему удалось миновать цензуру. Именно это письмо дает максимальный объем информации, причем как фактической, так и субъективных авторских оценок. Приводим это отрывки письма без правок, что позволит увидеть некоторые специфические признаки авторских настроений и эмоциональных переживаний. В тексте письма сохранена авторская орфография и пунктуация.

«г. Севастополь 28 мая – 42 г. 3 ч. дня. ...Ты не представляешь себе в полной мере того, как тяжело стало доставлять транспортами сюда хлеб и друг. продукты. Блокада г. Севастополь стала исключительно большой. Торпедоносцы-самолеты не дают совершенно пройти нашим судам. Потеряли они уже очень много с потерей г. Керчи, все свои силы они направляли на гор. и крепость Севастополь. Сейчас уже тревоги не объявляются почти, т.к. не успеют дать отбой, как снова тревога. До 30–35 налетов в день бывает.

...Положение у нас становится крайне напряженным чтобы обеспечить вторжение на Кавказ к нефти и на Кубань к хлебу немцы должны решить окончательно вопрос с существованием г. Севастополя. И ты понимаешь теперь, что немцы любой ценой любыми средствами вплоть до применения газов (а они уже применяли на Керченском полуострове) будут стараться захватить г. Севастополь, как последнюю базу Черном.флота. А отсюда вывод – предстоят небывалые в истории кровопролитные бои. Это будут такие бои от которых мир ужаснется. Но мы духом не падаем победа все же будет за нами.

...Да, Оленька, 8 месяцев в осаде, быть отрезанным от Большой земли это что-нибудь да значит для каждого из нас. Ну ничего. Духом и силой мы еще сильны. Вера в победу у нас имеется, а это самое главное. Надеемся что Большая земля – т.е. вы все можете нам отстоять нашу главн.базу Черном.флота г. Севастополь. Эх Оленька, как много хочется сказать в эти минуты!

...Буду гадов бить гранатами. Возможно в борьбе с парашутистами придется и погибнуть защищая город, так ты особенно не удивляйся. Помни, что «война есть война! Настроение у меня пока, что из всех бодрое. Правда потеря г. Керчи несколько дала себя почувствовать, но сказать, что у нас упал дух нельзя. Победа будет за нами. А потом, ведь вы тоже же поможете нам» [8].

В письмах близким, бойцы во многом воспроизводят тот образ событий, который транслируется в средствах массовой информации Севастополя того времени.

Надо заметить и то, что в каждом письме и открытке с фронта обязательно присутствует личная тема, связывающая бойца с семьей, домом, дающая силы сражаться, выжить и победить. При этом место, где происходят военные действия, место, которое необходимо защищать ценой своей жизни, начинает восприниматься бойцами не как нечто отвлеченное, а как одушевленное, родное, воплощающее именно на этой «крохотной площади осажденного и совсем разрушенного города» Родину.

Именно поэтому в эпистолярном наследии, оставленном защитниками города, Севастополь предстает как знаковый символ, несокрушимость которого является абсолютной ценностью. Так, в письмах, в которых описывается борьба за город, экспрессивно выражены чувства, порой совершенно противоположные: чувство горечи за порушенный город и радость

от даже небольших военных успехов, уверенность в победе и боль за погибших боевых товарищей и мирных жителей, ненависть к врагу и гордость за стойкость жителей города, тревога за своих близких и неистребимое желание выжить и увидеть близких.

Образ Севастополя отображается в письмах с фронта как один из важнейших символов борьбы с фашистскими захватчиками. Город представлен как живой, сопротивляющийся, но жестоко терзаемый врагом. Для комбатантов, среди которых большое число местных жителей, вставших в ряды РККА, Севастополь имеет четко сформированный сакрализованный образ города военной славы и негиблого русского духа. Севастополь, согласно этому образу, не может быть сломлен, потомки героев Первой обороны поддерживаются памятью прошлых побед. Именно этот дух укрепляет бойцов в самые трудные периоды боев.

Уверенность в победе дает силы для борьбы. Привязку к обыденности, к малозначимым деталям, «якорение» на мирных, несущественных, на первый взгляд, вещах можно рассматривать как компенсаторный механизм психики в критической ситуации и даже в предчувствии трагедии. Заметен диссонанс между реальным и воображаемым мирами бойцов: с одной стороны, это то, что объединяет всех, с другой – личностное, интимное, которое надо оберегать, хрупкое, нуждающееся в защите. Детализируя городской пейзаж в контексте войны, бойцы ищут прежние смыслы в новых реалиях и при их утрате воссоздают идеализированный образ в воображаемой картине мира.

Выводы

Таким образом, понимание места Севастополя в ментальном пространстве и общественном дискурсе позволяет понять глубинные душевные переживания и тревоги бойцов в период обороны города в 1041–1942 гг. Севастополь получает символическую значимость как идентифицирующий признак единства и борьбы, несокрушимости русского духа. Он представляется живым, чувствующим, мужественным, сражающимся так же, как его защитники. Именно идентификация с городом-героем способна поднять дух бойцов в кризисные периоды.

Список источников

1. *Ефремов О.Ю., Зверев С.Э.* Окопная риторика Великой Отечественной: о чем говорили и писали на войне // *Современные исследования социальных проблем.* 2015. № 4(48). С. 143. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/282484742>
2. *Кузнецов А.С.* Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2016. № 4. С. 63–68.
3. *Макарова Н.Н.* «Пока живой – писать буду...»: повседневность чувств эпохи Великой Отечественной войны (по материалам личной переписки магнитогорцев) // *Новейшая история России.* 2016. № 3 (17). С. 159–174.
4. *Рождественская Е.Ю.* Фронтовое письмо // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* 2018. Т. 10. № 15. С. 78–90.
5. *Черутова М.И.* Письма с фронта как документальные свидетельства войны // *Проблемы социально-экономического развития Сибири.* 2015. № 1 (19). С. 83–88.
6. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с.
7. Письма фронтовые И.Г. Булавина.
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6749262>;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6749255>;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6749263>
8. Письма фронтовые М.И. Воронина
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836441>;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836449>;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836440>;

<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836446>);
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836442>

References

1. *Efremov O.Yu., Zverev S.E.* Trench rhetoric of the Great Patriotic War: what they talked about and wrote about in the war // *Modern studies of social problems*. 2015. No. 4(48). P. 143. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/282484742>
2. *Kuznetsov A.S.* Front-line letters as a source for studying the anthropological content of the Great Patriotic War // *Bulletin of the Kemerovo State University*. 2016. No. 4. P. 63–68.
3. *Makarova N.N.* “As long as I’m alive, I’ll write...”: everyday feelings of the era of the Great Patriotic War (based on the personal correspondence of Magnitogorsk residents) // *Modern history of Russia*. 2016. No. 3 (17). pp. 159–174.
4. *Rozhdestvenskaya E.Yu.* Front letter // *Interaction. Interview. Interpretation*. 2018. V. 10. No. 15. P. 78–90.
5. *Cherutova M.I.* Letters from the front as documentary evidence of the war // *Problems of the socio-economic development of Siberia*. 2015. No. 1 (19). pp. 83–88.
6. *Senyavskaya E.S.* The psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 1999. 383 p.
7. Letters from the front to I.G. Bulavin.
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6749262>;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6749255>.
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=6749263>
8. Letters from the front to M.I. Voronin
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836441>;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836449>;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836440>;
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836446>);
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7836442>

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 15.07.2022.

The article was submitted 23.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.